

УДК 398:314(045)

DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-1-143-154

**К вопросу о воздушных захоронениях у финно-угорских народов
(по материалам обрядов и фольклора)**

В. И. Рогачев

*Мордовский государственный педагогический
университет им. М. Е. Евсевьева,
г. Саранск, Российская Федерация,
rogachev-v@bk.ru*

Е. Н. Ваганова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
waganowa@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье на основе обширного материала рассматривается бытование обряда воздушных захоронений у этносов Поволжья и Приуралья и его проекции на духовную культуру. Проблема исследуется на сравнительно-сопоставительном уровне целого ряда фактов с последующим выстраиванием общей картины указанного обряда, его мифологической основы и фольклорной составляющей.

Цель: выявить причинно-следственные связи возникновения обряда воздушных захоронений.

Материалы исследования: архивные материалы, фольклорные и литературные тексты, научные статьи по обозначенной проблеме.

Результаты и научная новизна. В статье представлен один из первых опытов сравнительно-сопоставительного анализа по данной проблеме, позволяющий выдвинуть гипотезу о формировании и существовании в мифологическом сознании лесных жителей Евразии, финно-угорских племен, анимистических представлений о Мировом дереве как форме организации пространства и времени, оси Вселенной, связывающий землю и небо, потусторонний мир, мир живущих, с небесными божествами и предками, получившими место на небесах в силу особой святости и заслуг перед соплеменниками. Мировое дерево предстает своего рода мировоззренческим универсумом, вокруг которого выстроены мифологические концепты в виде традиционных архетипов, представления о жизни и смерти, о бессмертии и вечности, о возможности продолжения жизни на том свете. Эти языческие построения проецировались на бытовое сознание, сказались на формировании обрядов, обычаев, том числе и на возникновении ритуала воздушных захоронений у финно-угров, существовавший с древнего периода и до середины XX в.

Обращение к широкому кругу фольклорно-этнографических источников позволило прийти к выводу о распространённости указанного обряда у финно-угорских этносов Поволжья и Приуралья, схожести проводимого ими ритуала, связанного с мифологическими, мировоззренческими представлениями прафинно-угров о Мировом дереве, как форме организации Вселенной и способе соединения трёх миров: нижнего, среднего и верхнего.

В статье произведены реконструкция и объяснение причин бытования обряда, опирающегося на анимистические и тотемистические мифологемы и архетипы древности.

В заключение авторы исследования пришли к выводу, что обряд воздушных захоронений существовал в тесной связи с системой развитых анимистических представлений, о единстве человека и природы, способности души вселяться в дерево, о роли дерева и птиц в перевоплощении и реинкарнации душ умерших.

Ключевые слова: финно-угры, обряд, воздушные захоронения, фольклор, Мировое древо, анимизм, культ деревьев, предки, душа, реинкарнация, антропоморфизм, символ, вышивка, орнамент

Для цитирования: Рогачев В. И., Ваганова Е. Н. К вопросу о воздушных захоронениях финно-угорских народов (по материалам обрядов и фольклора) // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 1 (60). С. 143–154.

**To the question about sky burials of the Finno-Ugric peoples
(based on rites and folklore)**

V. I. Rogachev

*Mordovia State Pedagogical University named after M. E. Evseviev,
Saransk, Russian Federation,
rogachev-v@bk.ru*

E. N. Vaganova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
waganowa@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: Based on extensive material, the article considers the existence of the sky burial rite among the ethnic groups of the Volga region and the Urals and its projections on spiritual culture. The problem is investigated at the comparative level of a number of facts, followed by the construction of an overall picture of the rite, its mythological basis and folklore component.

Objective: to identify the cause-and-effect relationships of the emergence of the rite of the sky burials.

Research materials: archival materials, folklore and literary texts, scientific articles on the problem.

Results and novelty of the research: the article presents one of the first experiments of comparative analysis on the problem, which allows us to hypothesize the formation and existence in the mythological consciousness of the forest dwellers of Eurasia, Finno-Ugric tribes, animistic ideas about the World Tree as a form of organization of space and time, the axis of the Universe connecting earth and sky, the other world, the world of the living, with heavenly deities and forefathers who received a place in heaven due to their special sanctity and merits to their fellow tribesmen. The World Tree appears as a kind of ideological universe, around which mythological concepts are built in the form of traditional archetypes, ideas about life and death, about immortality and eternity, about the possibility of continuing life after death. These pagan constructions were projected onto everyday consciousness, influenced the formation of rituals and customs, including the emergence of the Finno-Ugric sky burial rite, which existed from the ancient period until the middle of the XX century.

An appeal to a wide range of folklore and ethnographic sources allowed us to come to the conclusion about the prevalence of this rite among the Finno-Ugric ethnic groups of the Volga region and the Urals. The similarity of their rite associated with the mythological, ideological ideas of the proto-Finno-Ugric peoples about the World Tree, as a form of organization of the Universe and a way of connecting three worlds: lower, middle and upper.

The article reconstructs and explains the reasons for the existence of the rite, based on animistic and totemic mythologems and archetypes of antiquity.

In conclusion, the authors of the study concluded that the sky burial rite existed in close connection with a system of developed animistic ideas about the unity of man and nature, the ability of a spirit to possess a tree, about the role of trees and birds in the reincarnation.

Key words: Finno-Ugric peoples, rite, sky burials, folklore, World Tree, animism, cult of trees, ancestors, spirit, reincarnation, anthropomorphism, symbol, embroidery, ornament

For citation: Rogachev V. I., Vaganova E. I. To the question about sky burials of the Finno-Ugric peoples (based on rites and folklore) // *Vestnik ugrovedeniya* = *Bulletin of Ugric Studies*. 2025; 15 (1/60): 143–154.

Введение

В статье рассматривается феномен обряда воздушных захоронений – один из древнейших религиозных обрядов, когда погребение совершается путём размещения тела умершего на дереве или помосте, устроенном на столбах, на пеньках деревьев. Обряд имел широкое распространение у финно-угорских этносов. К примеру, этнографами отмечено, что в прошлом ханты и манси всех своих покойников оставляли в стволах деревьев, но затем так стали поступать только с маленькими детьми, умершими при рождении или в возрасте до одного года. Их тела заворачивали в бересту или клали в зыбку, а затем пристраивали в дуплах или под корнями деревьев. Так делали представители многих коренных народов Урала и Сибири [10, 242]. Более того, в хантыйской языковой картине мира, в сказках о богатырях присутствуют явные предупреждающие сигналы смерти – своеобразные знаки, связанные с тремя черепами, подвешенными на вершинах трёх лиственниц. Имплиcitно из исследования фольклорного матери-

ала В. Н. Соловар вытекает, что подвешенные на вершине дерева черепа являются свидетельством того факта, что у представителей хантыйской культуры в древности практиковался один из древнейших разновидностей погребения – воздушный [26, 43].

В древний период, когда всё происходящее в мире объяснялось с мифологической точки зрения, народы, практиковавшие консервацию усопших, верили в возможность их возвращения к жизни. Размещение умерших на деревьях можно трактовать как стремление сохранить тело, вернув затем покойника к жизни, так как смерть представлялась пограничным состоянием, особой формой существования в другом пространстве и времени.

Можно с уверенностью говорить о воздушных погребениях, являющихся одними из наиболее древних языческих обрядов, построенных на религиозно-мировоззренческих концептах. Факты воздушных захоронений известны у многих народов, и вместе с тем обычай содержит в себе немало скрытых завесой времени,

потерянных смыслов, неведомых нам мифологем, языческих кодов, реконструкция которых составляет задачу публикации.

Изначально в основе обозначенного обряда просматривается связь человека и дерева. Задачей воздушного захоронения была передача тела умершего в лоно Мирового дерева, как места обитания душ, для перехода в иной мир, другое состояние. Опираясь на декоративно-прикладное искусство финно-угров, в частности мордвы, его символическую орнаментику, терминологию, тесно связанную с мифологическим культом деревьев, мы с большим основанием можем предположить существование анимистических начал в мировоззрении этой группы народов, чья жизнь, весь образ существования, хозяйственно-промысловая деятельность проходили в лесной зоне.

В этих условиях шло формирование всех сторон традиционной культуры. в том числе растительного культурного кода мордвы, других финно-угров Поволжья и Приуралья [24, 439]. По сути, все формы жизнедеятельности древних финно-угров были связаны с этой природно-ландшафтной зоной, поэтому, естественно, не мог не возникнуть культ леса, священных деревьев, мифов, легенд, преданий, обрядов, связанных с почитанием этой стихии. Отсюда правомерно утверждение, что «для некоторых племён они (деревья – прим. наше) были единственными храмами и, вероятно, для многих были первыми святилищами» [31, 375].

Во всех местах проживания финно-угров: мордвы, марийцев, удмуртов, коми, карел, хантов и манси существовали культ священных деревьев и рощ, обряды молений, ритуальных жертвоприношений, подношений различных даров деревьям. О существовании священных деревьев у мордвы У. Харво пишет со ссылкой на В. Н. Майнова: «Жертвы вешали в специальном кузовке на ветви почитаемого дерева» [33, 125]. Обычай развешивания в дар священным деревьям одежды умерших, рубаш, платков, полотенец, домотканых холстов, украшения девушками веток цветными лентами, дешёвыми ювелирными изделиями (медными перстнями, кольцами, привесками, застёжками) у мордвы-эрзи и мокши можно истолковать и как почитание священных деревьев, и как симуляцию обряда поминовения умерших в виде подношения даров их душам. Это подтверждается точкой зрения отдельных учёных, которые объясняют функционирование обряда похоро-

умерших на деревьях воззрениями «о человеческих душах, вселившихся в стволы деревьев» [31, 259].

Вся обрядовая культура была связана с анимистическими мировоззренческими представлениями, получившими мифологическую трактовку, в которых деревья наделяются душой. Эта точка зрения высказывается учёными, отмечающими существование «у европейских племён финно-угорской волжской группы священных деревьев, на которых в былые времена развешивались шкуры принесённых в жертву животных» [31, 112]. Согласно анимистическим представлениям, древние поклонялись духу священного дерева.

Вопрос воздушных захоронений у финно-угров привлекает внимание этнографов, культурологов, фольклористов до настоящего времени как непростая для решения загадка, интересный феномен древности, усложнённый многослойной обрядовой ритуальностью язычества, завуалированный временем, усложнённый этническими особенностями, подверженный временным трансформациям и поэтому вызывающий интерес исследователей.

К проблеме воздушных захоронений и связанных с ними священных деревьев, отражению этого явления в традиционной культуре обращались учёные с мировыми именами Э. Б. Тэйлор [28], Д. Д. Фрэзер [31], финские исследователи К. Ф. Карьялайнен [8], У. Харво [33], этот вопрос рассматривали советские этнографы и фольклористы Л. Я. Штернберг [32], М. Т. Маркелов [14], М. Е. Евсеев [7], Т. П. Федянович [30] и др. Не обошли вниманием столь интересный феномен и российские финно-угроведы В. Е. Владыкин [1], Т. А. Молданова [19], популярные материалы публиковали Н. А. Криничная [12], И. Н. Михалкович [18]. Актуальные статьи и монографии ввела в научный оборот по этой тематике Т. В. Волдина [2; 3; 4; 5; 6], заслуживают внимания публикации последнего времени С. А. Поповой [21; 22, 23].

Материалы и методы

В статье используются архивные материалы Центрального государственного архива Республики Мордовия, рукописного фонда НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, фольклорные тексты [20; 28], научные статьи, монографические издания и другие публикации по фольклору и этнографии.

Авторы опираются на широкий круг материалов по настоящей тематике, прежде всего на исследования по финно-угроведению.

В ходе работы над исследованием основными стали сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический методы, которые позволили выявить причинно-следственные связи возникновения обряда воздушных захоронений, коррелирующие с мировоззренческими представлениями, религиозно-мифологическими концептами, закреплёнными в родоплеменном сознании, и проявлявшиеся в форме устойчивой традиции в ритуально-обрядовой практике, фольклоре. Использование указанной методики позволило расширить рамки исследования.

Результаты

Мировоззренческие представления древних людей допускали возможность возвращения умерших к жизни, для чего и создавались определённые условия: бальзамирование, размещение покойных на деревьях, помостах, других сооружениях, их «кормление» в течение определённого времени. Так, развитием этого действия у одного из финно-угорских народов – мордвы, стал обряд возвращения души предков домой во время больших праздников с ритуалом их встречи, топки бани предков, приготовления для них полотенец, чистой праздничной одежды, накрывания поминальных столов с яствами отдельно для мужчин и женщин и их кормление [7, V, 367–368].

Желанием сохранить, продолжить жизнь души и тела умершего объясняются такие способы как известная нам практика бальзамирования усопших в цивилизациях Средиземноморья, отголоски которой можно слышать и в мордовском фольклоре. К примеру, в сказке «Канева – колмо братонь сазор» рассказывается следующее: ... *уряжтне уишт бая. солавсть смола. Ветизь банянтень Канева сазорост. Тосо истя паризь, истя паризь, Каневань маштсь ежозо. Уряжтне Каневань ваднизь смоласо судонзо, кургонзо, пилензэ, сельмензэ ды каизь эзем лангс* ‘... невестки жарко натопили баню. Растопили смолу. Привели в баню золовку Каневу. Там её так сильно напарили, что она обмерла. Невестки залили Каневу растопленной смолой ноздри, уши, рот, глаза и положили в передний угол’ [7, IV, 216, 218].

В мордовском фольклоре имеется целый ряд произведений, свидетельствующих о воздушных захоронениях. Такова эрзянская песня «Тейтересь паро Карпань Охима» [7, III, 41–42].

Этот обряд нашёл отражение и в других жанрах устно-поэтического творчества. В сказке «Канева – колмо лелянь сазор» повествуется о том, как братья решили похоронить умершую сестру в лесу на помосте: *Оришавсть лангозонзо мазый оришамот, тейсть мазый кандолазт, пугызь суро куймс ды ускызь вирев*. ‘Надели на неё дорогой наряд, сделали красивый гроб, положили её в ларь с просом и отвезли в лес’ [7, III, 216, 218]. Обряд воздушных захоронений встречался у двух этнических общностей мордвы – эрзи и мокши. Так, в мокшанской сказке «Кафта урост» рассказывается о том, как девушка вместе с женихом хоронят брата на дереве: *Тисть стирть мархта лазкст, пугозь кулоть лазксти, пингодезь кининь пинксса и повтазь ся маласта ведь кучкаса шуфт пряс*. ‘Сделали с девушкой колоду, положили туда брата, оковали колоду железными обручами и похоронили на дереве, что поблизости – на середине реки’ [7, III, 226, 227].

Устные народные поэтические мотивы мордвы, подтверждающие факт воздушных захоронений, не редкость в песенных жанрах. Так, в песне «Кемаля» родственники по просьбе девушки: *«Пижесэ чавизь сюрое чувтонзо, / Сиясо валызь кандолазонзо, / Сырнесэ велтизь тодов лазонзо. / Кандызь Кемалянь покш ки чирес, / Пугызь Кемалянь колмо ки улос.»* ‘Медью обили её дерево ветвистое, / Серебром залили гроб её, / изнутри покрыли золотом. / Отнесли Кемалю к большой дороге, / Положили Кемалю на перекрёстке трёх дорог’ [29, 230–231]. В песне девушка просит отца: *«Илямак калма велень калмазырьс, ...»* ‘Не хорони меня на сельском кладбище, / Ты вели отнести меня к большой дороге ...’ [29, 231], что свидетельствует, на наш взгляд, о параллельном существовании некоторое время двух способов захоронения: о древнем – размещении умерших на деревьях, на помостах, столбах, и более позднем, связанном с принятием православия – преданием усопших земле.

Отголоски обряда воздушных захоронений помимо песен отражены в преданиях и в других произведениях фольклора, в частности ёвкссо – сказках. В мордовской сказке «Дуболго Пичай» рассказывается о любимой сестре братьев-охотников, умершей из-за козней злых снох. После смерти девушки братья изготовили гроб, «положили в него свою сестрицу и отвезли в большой лес, на перекрёсток трёх дорог. Вырубили подставки, на них положили гроб» [20, 217].

Достоверно известны воздушные захоронения на деревьях у мордвы-мокши села Лебежайка

Хвалынского уезда Саратовской губернии, зафиксированные учёными Б. М. Соколовым и М. Т. Маркеловым, отметившими: «В верстах двух-трёх от села Лебежайка есть гора, которая по-мордовски называется *Урькс-пря*» – *гора плача*. По преданию, на эту гору мордва носила своих покойников, умерших зимой, и привешивала их на берёзы. А весной уже покойников хоронили в могилу здесь же на горе, после чего родные поминали их в течение трёх дней [25, 8–9, 135]. Подобные обряды в старину совершались мордвой-эрзя в сёлах Давыдово и Сабаево (ныне Кочкуровский район Республики Мордовия), где в зимнее время отвозили покойных за р. Суру, подвешивали их в гробах из двух выдолбленных колод на деревьях¹. О распространённости воздушных захоронений говорят и другие факты. Так же хоронили упокоившихся в с. Налитово (ныне Дубенский район Республики Мордовия)². В целом ряде районов проживания мордвы и в более поздние времена была известна традиция – хоронить покойных на деревьях, о чём в середине XX в. этнографами записано предание о воздушных захоронениях старцев в селе Подгорное Конаково.

На существовавший в прошлом обряд воздушных похорон могут указывать и более поздние ритуальные симуляции. Профессор Б. М. Соколов по этому поводу сообщает следующее: «Для примера, как живуча древняя традиция (воздушных захоронений – примеч. наше, В. Р.), укажу на то отмеченное членами нашей этнографической экспедиции в Хвалынский уезд в 1919 г. обстоятельство, что если мордва, сейчас и отстала от этого обычая, то пережиток его сохранился в том, что при выносе из избы покойника гроб его сильно раскачивают: здесь ясное воспоминание о раскачиваемом гробе при его подвешивании на дерево» [25, 9]. Другими маркерами обряда воздушного захоронения стали топонимические обозначения: отмечено, что у мордвы-эрзя и мокши «все предания о так называемых *урлях*, *урыкс-прят*, *урнема таркат* (места плача, тризны – прим. наше) связаны с похоронами на деревьях. В некоторых местах погребения на деревьях носили временный характер, в иных местах трупы висели на деревьях до истления» [14, 280].

Встаёт вопрос, чем же объясняется захоронения людей на деревьях, каковы причины суще-

ствования этого обряда? Мордва с. Лебежайка Хвалынского уезда Саратовской области, носившая своих покойных на «Урькс-пря» – гору плача, указанному обычаю давали следующие объяснения: «Одни говорят, что это делалось потому, что зимой трудно рыть могилу. Другие утверждают, что ритуал проводился с той целью, чтобы душа покойника в течение зимы очистилась настолько, чтобы была похожа по белизне на снег или кору берёзы [25, 8]. Конечно же, житейское, обывательское объяснение, не дает полного понимания целей совершения обряда. А что же было на самом деле, где кроется истина, какова глубинная причина воздушных захоронений? На наш взгляд, в основе обряда воздушного захоронения просматривается связь человека и дерева. Размышления над архивными, фольклорными материалами приводят к мысли об особой роли дерева в ритуальной практике людей, объясняемой мифологическими представлениями древних о Мировом дереве, как первопредке, которому передавались душа и тело умершего.

В связи с этим в суеверных представлениях древних, как отмечено нами выше, дерево играло важную роль, связанную с возрождением душ мёртвых, их оживлением, т. е. с реинкарнацией. Вешками, указателями веры в реинкарнацию является целый ряд фактов. К примеру, далеко не случайно представители финно-угорских народностей «ханты и манси выкидышей, мёртворождённых и умерших до года прежде хоронили под корнями и в дуплах деревьев, завёртывая тельце в бересту или помещая в зыбку. Помещение умерших младенцев на дерево (в дупло, на ветви и вообще на высоту) было в той или иной мере свойственно большинству таёжных сибирских аборигенных этносов» [10, 242].

Это объяснимо стремлением сохранить таким образом душу младенцев для последующего воскрешения. Дело в том, что деревья в представлениях и по наблюдениям людей ежегодно проходят стадии смерти и воскресения, имеют циклы умирания и оживания, сбрасывая листву на зиму и вновь обрастая ею весной. Нетрудно предположить, что древние, руководствуясь анимистическими воззрениями, аналогиями, верили в способность деревьев быть вместилищем, сохраняя тела умерших, оживлять их через реинкарнацию.

¹ Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). ФР-267. Арх., № 27. Л. 181.

² Рукописный фонд НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия (РФ НИИГН). Ед. хр. 27. Л. 83.

Одним из объяснений феномена воздушных захоронений, на наш взгляд, является то, что универсальным образом у мордвы – Мировым деревом было (э. *Ине Чувто*, м. *Инь оцю шувто*), олицетворяющее взаимосвязь трёх миров: земного (э., м. *мода*), божественного, или верхнего (э., м. *менель*), и подземного мира предков, холодного и мрачного (э. *тона чи*, м. *тона ши*). Отсюда вытекает, почему антропоморфный код, обнаруживаемый в растительных образах, столь глубоко укоренился в этнокультурной традиции народов Поволжья [18, 75]. Мировое дерево являлось своего рода вертикальной формой организации пространства, посредством которого мифические существа, душа жили, перемещались из одного мира в другой.

Образ Мирового дерева обнаруживается и прослеживается в финно-угорских мифологических архетипах, отразившихся в мировоззренческих концептах, мифопоэтических проекциях, фольклоре, где дерево является объектом поклонения. Так у мордвы существовали священные рощи, отдельные деревья, такие как дуб, сосна, береза, *умарина* (яблоня). Выбор, как правило, падал на отдельные выдающиеся экземпляры. В разных местах это могли быть различные породы. По этому поводу этнографы отмечали, что «...выбор священного дерева зависит от растительного мира каждого из священных мест и что избирались... самые видные деревья...» [8, 90–91]. Так, ханты и манси повсеместно почитали берёзу, в их фольклоре она называется «священной берёзой с золотыми листьями», «священной берёзой с семью вершинами» и ассоциируется с «Древом жизни» [2, 85]. В связи с этим объяснимы захоронения в столь сакральном месте, как дерево, «захоронения в прошлом в колоде – близком по значению захоронениям в дупле дерева, а также указание на другой древний способ захоронения – заворачивание тела покойного в бересту, рудиментом которого может считаться берестяная маска» [3, 50]. Деревянные маски были в пользовании и сохранились у окончательно обрусевшей этнографической группы мордвы, называемых в прошлом терюханами, Нижегородской губернии Терюшевской волости (ныне Дальнеконстантиновский район).

Следует отметить, что деревья у народов Поволжья и Приуралья в прошлом имели семантическое значение антропоморфных символов: «В марийских песнях берёза наделе-

на человеческими свойствами, символизирует сына, друга, молодого парня; в мордовской песенной поэзии – это символ невесты; у чувашей – верхушка этого дерева – означает милого друга, а сама берёза и её листья – молодую девушку, невесту»; наряду с этим «у чувашей берёза ассоциировалась с женщиной, в язычестве они знали *ама-хуран* – мать-берёзу» [16, 108]. Этот символический ряд очеловечивания деревьев можно продолжить. В устной поэзии удмуртов сосна, ель, дуб являются олицетворением силы, мужества, мужчины, тогда как берёза символизирует незамужнюю девушку, а черёмуха и яблоня были традиционными архетипами нравственной чистоты, целомудрия невесты.

У финно-угорских народов образ дерева устойчиво включён в обряды жизненного цикла. К примеру, отголоски захоронений на деревьях сохранились в удмуртской погребальной традиции: «Умершего обвязывали лыком или помещали в специально выдолбленную колоду, после чего тот по суеверным ожиданиям, должен был стать «сердцевиной дерева», т. е. вернуться туда, откуда он пришёл» [1, 39]. Любопытно, что некоторые учёные считают «возможным в старообрядческой колоде (а не сколоченном из досок гробе) видеть последний отголосок древнего обычая хоронить мертвецов на деревьях или, что часто рядом – в деревьях, дупле дерева» [25, 9]. В связи этим у некоторых других финно-угорских и самодийских народов считалось, что лиственницы и кедры могут быть «местом обитания душ предков, поэтому их нельзя рубить напрасно – может выступить кровь» [19, 121].

Отмечено, что наглядным выражением одухотворения окружающей природы служит, в частности, «включение человеческих признаков в синкретический образ дерева, сформировавшийся в народном искусстве, вербальном и изобразительном» [15, 95–98]. Так, в мордовском орнаментальном искусстве мы видим композиции, где в линейном ряду изображение дерева сочетается с изображениями животного с ветвистыми рогами и человека с диагонально поднятыми ветвистыми руками, что свидетельствует о поэтапной эволюции мировоззренческого осознания мира – вначале было мировое дерево, затем – тотемное животное, позже человекоподобные божества, предки-покровители. Схожие с мордовскими стилизованные антропоморфные фигуры обнаруживаются и в орнаменте

вышивки жителей Заонежья, где довольно часто встречаются изображения женщин, которые сливаются со священными деревьями, либо чередуются с ними [9, 71]. Близки по стилистике к мордовским вышивки вепсов, где верхняя часть мифического дерева плавно перерастает в человеческий торс с поднятыми по диагонали руками-ветвями, а низ ствола, приравняемого к человеческому телу, снабжается ногами [11, 75, 77]. На антропоморфизацию мордвой деревьев в средние века указывает нанесение бортовых знамён-оберегов в виде личины с глазами – *сельме*, располагавшихся в конфигурации, зафиксированной русскими писцами XVII в. как «шайтанова рожа». Эти символы-олицетворения, по замыслу мордвы, оберегали борти от порчи так же, как это мог делать человек. Не случайно указанный знак *сельме*, символизирующий защиту, проецировался в орнаменте мордовской вышивки как «*сисем сельме да шумбазень керга* – «семь глаз да заячий хвост» [34, 81].

В традиционных воззрениях крестьянина, во многом «основанных на архетипических проявлениях, всегда находится место для представлений о деревьях-людях, деревьях-животных и даже деревьях-людях-животных. В последнем случае различные (фито-, зоо-, антропоморфные) свойства смыкаются в едином синтетическом образе» [12, 78]. Не этим ли объясняется, то, что во время празднеств марийцами одевалось священное дерево, чаще – берёза, которой придавался облик человека: из веток изготовлялось нечто похожее на юбку; её укрепляли на стволе на определённой высоте с помощью лыкового пояса, испачканного кровью жертвенного животного. Выше на дереве прибавалась, так называемая, *тусшо* – личина, отлитая из олова [27, 81]. На культ берёз среди марийцев, указывает изготовление ими из берёзовых веток своеобразного головного убора, со временем принявшего форму имитации берёзового листа. Таковым был и головной убор *шымаки*, представлявший собой высокий берёстяной конус, обтянутый кумачом, сплошь обшитый мелкими старинными монетами и их имитацией (чешуйчатая зашивка)», что также свидетельствует о стремлении уподобиться культовому дереву. Он вышел из употребления ещё в XIX в. [13, 136]. Мордовские девушки украшали голову венком, иногда «случалось, что венок изготовляли из берёзовой коры» [34, 14]. Мордва в ходе календарно-обрядовых на-

родных празднеств в соответствии с ритуальным ряженьем облачалась в свежие зелёные ветви, уподобляясь дереву, покровителям леса – Вирь-атю и Вирь-аву, покровителю растительности – Конопляной молодухе. То же самое отмечено этнографами у удмуртов: «Частью одежды удмуртских жрецов были берёзовые ветки, спускавшиеся с плеч» [1, 110]. В мотивах орнамента этого народа использование растительного кода – деревьев, также связано с их таинственной, магической силой. В связи с этим следует обратить внимание на то, что у хантов и манси в обозримом прошлом имелся обычай «рожать у основания дерева, держась за него, а также подвешивать послед или пуповину родившегося ребёнка в берёстяной ёмкости на молодое красивое дерево» [2, 88]. Вера в целительную, животворящую силу деревьев обнаруживается и в мордовской лечебной магии. Так у эрзи и мокши в случае болезни ребёнка родители шли в лес, расщепляли клиньями молодую берёзу, если эта была девочка, и дуб, если это был мальчик, снимали с ребёнка рубашку и протаскивали через расщелину. А затем, выбив клинья, зажимали рубашку, считая, что болезнь останется в дереве. Имелся и более радикальный способ исцеления младенца, когда клиньями расширяли отверстие до такой степени, чтобы можно было свободно пропустить ребёнка. Считалось, что дерево поможет, передаст свою животворящую силу младенцу, а болезнь останется в стволе. Такую же картину можно было наблюдать у хантов: «Для исцеления в стволе лиственницы прорубают отверстие, сквозь которое протаскивают вещь больного человека» [2, 88].

В изучении обозначенной проблемы обнаруживаются и другие направления. Есть предположение о том, что обряд воздушных захоронений может иметь связь и с тем, что, по представлениям древних, душа может перевоплощаться, реинкарнировать в птицу, летать. Мифы о реинкарнации человеческой души в птиц существуют у многих народов [28, 257]. В научной литературе отмечено: «у хантов существовали представления, что человек произошёл от птиц и сначала был крылатым» [17, 86]. В описании мансийской обрядности перехода в иной мир сообщается: «Возможно, человек превращается в птицу; именно с ней у манси связывается идея возрождения» [21, 139]. Не случайным является и обращение *Kaltas* к людям, в её священной песне: «птенчики» [3, 58]. Такие предположения выдвигают исследователи, утверждающие,

что миф о реинкарнации «имеет в своей основе веру в то, что душа покойника принимает образ птицы» [32, 441–442].

Косвенным указанием на перевоплощение душ умерших в птиц является эпизод в упомянутой сказке о Дуболго Пичае, где говорится о том, что возле гроба девушки поставили, наполненные пшеницей лукошки [20, 217], что, по всей видимости, делалось не так просто – сюда должна была прилетать душа умершей в виде птицы. И не случайно, что к гробу девушки стали приходить гуси парня Виртяна, между которым и девушкой существует незримая духовная связь.

Обряд кормления душ, превратившихся в птиц, отмечен и в сказке «Канева – сестра трёх братьев»: *Каневань путызь суро куймс. Кувать, а кувать тосо аштесь Канева сазорост, то-надсть тензэ суродо ярасмо якамо дова бабань яксяргот* 'Каневу положили в ларь с просом... Долго ли, недолго лежала там их сестра Канева, повадились клевать просо утки старухи-вдовы [7, III, 216, 218].

Приведённые примеры подкрепляют нашу уверенность в ранее высказанных предположениях о том, что мордва верила в обращение душ умерших в птиц, что может быть, наряду с другими, одной из причин, воздушных погребений у мордвы и других финно-угорских народов.

Схожие факты обнаруживаются в мифологии, фольклоре манси и ханты, которые верили, что душа человека имеет крылья и покидает тело умирающего в образе птицы. Отсюда объяснимо то, что, «оставляя тела младенцев в дуплах деревьев, обские угры стремились таким образом облегчить их душам переход в иной мир, модель реинкарнации человеческих душ, представлявшихся в птичьих образах» [3, 58].

Обсуждение и заключение

В заключение следует отметить, что мифологические представления финно-угров материализованы в традиционном декоративно-прикладном творчестве. Это проявляется в виде мирового дерева в вышивке на женской рубашке, головных уборах мордвы, бытовавших в дохристианские времена и существующих сейчас на могильных столбах *сюруй чувто*, домовинах на кладбищах обрусевшей мордвы Терюшевской волости Нижегородской губернии, погребальных сооружений – домиков хантов и манси. Сакрализация деревьев встречается в Поволжье и

у других народов, в частности, у чувашей на кладбищах в виде столба *юба*, вырезанной на нем личиной человека, татар-кряшен – в виде столбиков – *баш казык*.

Обряд воздушных захоронений фиксировался учёными у финно-угорских и самодийских народов вплоть до конца XIX – начала XX в.

В районах проживания мордвы были известны сведения об особом обряде размещения покойных на деревьях. Можно, предположить, что культ священных деревьев каким-то образом связан с древним обрядом воздушных захоронений. Так, по словам старожилов села Подгорное Конаково, в старину на деревьях подвешивали в корзинах сельских стариков, которым пришло время умирать. А затем долгое время к этим свяственным липам приезжали свадебные поезда для поминания этих стариков [30, 102]. Молодожёны приносили дары деревьям, просили благословения у духов этих святых старцев, которые освящали брак. Схожие ритуалы имелись и у других финно-угорских этносов Поволжья и Приуралья.

В ходе обсуждения материала следует обратить внимание на то, что обычай воздушного захоронения стоит в прямой зависимости от древних анимистических представлений об окружающем мире, мифологической трактовки происходящих событий, «примитивных человеческих верований, связанных с культом дерева и культом мёртвых» [28, 9]. Следует отметить, что рассматриваемая проблема обширна и её сложно уложить в рамки академической статьи.

Обычай воздушных захоронений, производившийся в прошлом, известен не только аборигенным народам Поволжья, Приуралья и Сибири, но и другим народам мира. Так, этнографы М. Шмидт и Т. Кёрнер писали о практике небесных погребений в Тибете и Монголии, захоронениях в так называемых «башнях молчания» в Персии или захоронениях на деревьях и подмостках у североамериканских индейцев и в восточной Индонезии. Считается, что без такой процедуры душа покойного остается уязвимой для злых духов, и для того, чтобы очистить тело перед переходом в иной мир, его поднимают на особые сооружения – дахмы, или «башни молчания». Такой способ прощания с умершими нравился приверженцам зороастризма – древней религии иранских народов. Для них захоронение в земле считалось неприемлемым, поскольку препятствовало переходу души в иной мир [35; 36]. Особого рода захоронениям

(Sonderbestattung) с точки зрения археологических исследований была посвящена международная научная конференция, которая состоялась в 2013 г. во Франкфурте на Майне [37].

Рассмотренные фольклорно-этнографические материалы позволяют нам сделать вывод о том, что у финно-угорских племён в глубокой древности сформировались системные мировоззренческие построения, опирающиеся на религиозно-мифологические архетипы, связанные с концептом Мировое дерево, как первопредком и формой организации пространства и времени, их осью, хорошо объяснимой, и отсюда, удобной системой мировоззренческих координат, связывающих Мировое дерево с небом, обиталищем языческих богов и первопредков, настоящей жизнью и потусторонним миром, как привычной системой традиционных ценностных координат. На основе рассмотренных нами материалов можно говорить о том, что в

анимистических мифологических построениях Мировое дерево представлялось нашим далёким предкам универсальной вертикальной формой организации пространства, посредством которого мифические существа, душа жили, перемещались из одного мира в другой.

Вокруг Мирового дерева, как центра мироздания, в последующем формировались, эволюционировали различные мифологические конструкции, модели ритуального поведения, расцвеченные языческим сознанием, в виде обрядов, речитаций текстов мифов, молитв, обращений к предкам и т. д.

Их проекции прослеживаются на протяжении длительного исторического этапа в материальной и духовной культуре, находят отражение в религиозной обрядности и фольклоре, декоративно-прикладном искусстве, в целом, бытовой культуре финно-угров России до настоящего времени.

Список сокращений

м. — мокшанский язык, э. — эрзянский язык.

Список источников и литературы

1. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.
2. Волдина Т. В. Образ древа жизни в традиционной культуре обских угров в контексте реинкарнации // Финно-угорский мир. 2015. № 4. С. 84–90.
3. Волдина Т. В. «Долгой жизни вековечный танец»: реинкарнация в контексте мифоритуальных традиций обских угров. Тюмень: ФОРМАТ, 2016. Ч. I. 206 с.
4. Волдина Т. В. Современное состояние традиций реинкарнации у обских угров // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 3. С. 522–535.
5. Волдина Т. В. Реинкарнация в культурах обских угров и автохтонных народов Северной Америки: сопоставительный анализ // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 4 (41). С. 764–773.
6. Волдина Т. В. Традиции реинкарнации в культуре лесных ненцев Нумто // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 2 (53). С. 314–323.
7. Евсеев М. Е. Избранные труды. В 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 3. 328 с.; 1964. Т. 4. 412 с.; 1966. Т. 5. 552 с.
8. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск: Изд-во Томского университета, 1995. Т. 2. 284 с.
9. Кнатц Е. Э. Вышивки Заонежья // Искусство Севера. Л.: Academia, 1927. С. 62–76.
10. Косарев М. Ф. Образ дерева в мифо-ритуальной традиции сибирских народов // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М.: Московская типография, 2006. С. 239–253.
11. Косменко А. П. Народное изобразительное искусство вепсов. Л.: Наука, 1984. 200 с.
12. Криничная Н. А. Дерево-человек: К проблеме синкретизма и дифференциации фитоантропоморфного образа (по материалам нарративного фольклора Карелии) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2010. № 4. С. 77–85.
13. Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1956. 159 с.
14. Маркелов М. Т. Культ умерших в похоронном обряде волго-камских финнов (мордва, мари, вотяки) // Религиозные верования народов СССР. М.; Л.: Московский рабочий, 1931. С. 269–281.
15. Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. 207 с.
16. Миннуллин К. М. Растительная символика в песенной поэзии народов Поволжья и Приуралья // Ядкар. 2008. № 2. С. 107–109.
17. Мифология хантов / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина, Т. А. Молданов, Т. А. Молданова. Томск: Изд-во Томского университета, 2000. 310 с.

18. Михалкович И. Н. Реминисценция образа дерева в мифологии и фольклоре мордвы // Вестник Мордовского университета. 2000. № 3–4. С. 72–77.
19. Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск: Изд-во Томского университета, 1999. 260 с.
20. Мордовские народные сказки / сост. К. Самородов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1971. 416 с.
21. Попова С. А. Мансийская обрядность перевода в иной мир // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Вып. 9. С. 134–161.
22. Попова С. А. Знаки «временной смерти» невесты в свадебной обрядности верхнесосьвинских манси // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 751–758.
23. Попова С. А. Маркеры обрядов перехода «колыбельного» периода ребёнка (на примере северной группы манси) // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 2 (57). С. 348–359.
24. Рогачев В. И., Ваганова Е. Н., Мингазова Л. И. Функционирование растительного кода в традиционной культуре народов Поволжья (на примере фольклора мордвы-эрзи и мокши) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 3. С. 439–445.
25. Саратовский этнографический сборник / под ред. Б. М. Соколова. Саратов: [б. и.], 1922. Вып. 1. 276 с.
26. Соловар В. Н. Лингвосомиотические особенности знаков смерти в хантыйских народных сказках и преданиях // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (45). С. 39–48.
27. Степанов А. Ф. Сотворение мира (О марийском язычестве в контексте возникновения и эволюции человеческого общества). Йошкар-Ола: Стринг, 2003. 110 с.
28. Тэйлор Э. Б. Первобытная культура / пер. с англ. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
29. Устное поэтическое творчество мордовского народа: эпические и лиро-эпические песни. В 12 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 1. 400 с.
30. Федянович Т. П. Похоронные и поминальные обряды мордвы // Бытовая культура мордвы. Саранск: Труды НИИЯЛИЭ, 1989. Вып. 100. С. 96–126.
31. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследования по магии и религии / пер. с англ. 2-е изд. М.: Политиздат, 1986. 703 с.
32. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. 571 с.
33. Harva U. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1952. 456 p.
34. Heikel A. O. Mordvalaisten Pukuja ja kuo seja: Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingissa: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö, 1899. 43 p.
35. Körner T. Totenkult und Lebensglaube bei den Völkern Ost-Indonesiens. Leipzig: Jordan & Gramberg, 1936. 207 p.
36. Schmidt M. Völkerkunde. Berlin: Ullstein, 1924. 445 p.
37. Zintl S. Irreguläre Bestattungen in der Urgeschichte: Norm, Ritual, Strafe ...? Akten der Internationalen Tagung in Frankfurt a. M. vom 3. bis 5. Februar 2012 // European Journal of Archaeology. 2015. 18(4), p. 712–716.

References

1. Vladykin V. E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious and mythological picture of the world of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1994. 383 p. (In Russian)
2. Voldina T. V. *Obraz dreva zhizni v tradicionnoj kul'ture obskih ugrov v kontekste reinkarnacii* [The image of the Tree of Life in the traditional culture of the Ob Ugrians in the context of reincarnation]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2015, no. 4, pp. 84–90. (In Russian)
3. Voldina T. V. *“Dolgoj zhizni vekovechnyj tanec”: reinkarnaciya v kontekste miforitual'nyh tradicij obskih ugrov* [“The Eternal Dance of Long Life”: reincarnation in the context of mythical and ritual traditions of the Ob Ugrians]. Tyumen: FORMAT Publ., 2016. Part I. 206 p. (In Russian)
4. Voldina T. V. *Sovremennoe sostoyanie traditsij reinkarnatsii u obskih ugrov* [The current state of the traditions of reincarnation among the Ob Ugrians]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (3), pp. 522–535. (In Russian)
5. Voldina T. V. *Reinkarnatsiya v kul'turah obskih ugrov i avtokhtonnyh narodov Severnoj Ameriki: sopostavitel'nyj analiz* [Reincarnation in the autochthonous cultures of Yugra and North America]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (4/41), pp. 764–773. (In Russian)
6. Voldina T. V. *Traditsii reinkarnatsii v kul'ture lesnykh nentsev Numto* [Traditions of reincarnation in the culture of the Forest Nenets of Numto lake]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (2/53), pp. 314–323. (In Russian)
7. Evseviev M. E. *Izbrannye trudy. V 5 t.* [Selected works. In 5 volumes]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., Vol. 3. 1963. 328 p.; Vol. 4. 1964. 412 p.; Vol. 5. 1966. 552 p. (In Russian)
8. Karjalainen K. F. *Religiya yugorskih narodov* [Religion of the Yugra peoples]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., 1995. Vol. 2. 284 p. (In Russian)
9. Knats E. E. *Vyshivki Zaonezh'ya* [Embroidery of Zaonezhye region]. *Iskusstvo Severa* [Art of the North]. Leningrad: Academia Publ., 1927. Pp. 62–76. (In Russian)

10. Kosarev M. F. *Obraz dereva v mifo-ritual'noj tradicii sibirskih narodov* [The image of a tree in the mythical and ritual tradition of the Siberian Peoples]. *Miroponimanie drevnih i tradicionnyh obshchestv Evrazii* [World understanding of ancient and traditional societies of Eurasia]. Moscow: Moskovskaya tipografiya Publ., 2006. Pp. 239–253. (In Russian)
11. Kosmenko A. P. *Narodnoe izobrazitel'noe iskusstvo vepsov* [Folk fine art of the Vepsians]. Leningrad: Nauka Publ., 1984. 200 p. (In Russian)
12. Krinichnaya N. A. *Derevo-chelovek: K probleme sinkretizma i differenciacii fitoantropomorfnoogo obraza (po materialam narrativnogo fol'klora Karelii)* [Tree-man: To the problem of syncretism and differentiation of the phytoanthropomorphic image (based on the narrative folklore of Karelia)]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, no. 4, pp. 77–85. (In Russian)
13. Kryukova T. A. *Material'naya kul'tura marijcev XIX veka* [Material culture of the Mari people of the XIX century]. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1956. 159 p. (In Russian)
14. Markelov M. T. *Kul't umershih v pohoronnom obryade volgo-kamskih finnov (mordva, mari, votyaki)* [The cult of the dead in the funeral rite of the Volga-Kama Finns (Mordovian, Mari, Votyak peoples)]. *Religioznye verovaniya narodov SSSR* [Religious beliefs of the peoples of the USSR]. Moscow; Leningrad: Moskovskij rabochij Publ., 1931. Pp. 269–281. (In Russian)
15. Maslova G. S. *Ornament russkoj narodnoj vyshivki kak istoriko-etnograficheskij istochnik* [Ornament of Russian folk embroidery as a historical and ethnographic source]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 207 p. (In Russian)
16. Minnullin K. M. *Rastitel'naya simbolika v pesennoj poezii narodov Povolzh'ya i Priural'ya* [Plant symbolism in the song poetry of the peoples of the Volga and Ural regions]. *Yadkar* [Yadkar], 2008, no. 2, pp. 107–109. (In Russian)
17. *Mifologiya hantov* [Mythology of the Khanty people]. Comp. V. M. Kulemzin, N. V. Lukina, T. A. Moldanov, T. A. Moldanova. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta Publ., 2000. 310 p. (In Russian)
18. Mikhalkovich I. N. *Reminiscenciya obraza dereva v mifologii i fol'klоре mordvy* [Reminiscence of the image of a tree in the mythology and folklore of the Mordovian people]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Bulletin of the Mordovian University], 2000, no. 3–4, pp. 72–77. (In Russian)
19. Moldanova T. A. *Ornament hantov Kazym'skogo Priob'ya: semantika, mifologiya, genesis* [Ornament of the Khanty people of the Kazym Ob Region: semantics, mythology, genesis]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta Publ., 1999. 260 p. (In Russian)
20. *Mordovskie narodnye skazki* [Mordovian folk tales]. Comp. K. Samorodov. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1971. 416 p. (In Russian)
21. Popova S. A. *Mansijskaya obryadnost' perevoda v inoj mir* [Mansi rite of transition into the next world]. *Narody Severo-Zapadnoj Sibiri* [Peoples of North-West Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2002. Vol. 9. Pp. 134–161. (In Russian)
22. Popova S. A. *Znaki "vremennoj smerti" nevesty v svadebnoj obryadnosti verhnesos'vinskih mansi* [Signs of the "temporary death" of a bride in the wedding ceremony of the Upper Sosva Mansi people]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (4/57), pp. 751–758. (In Russian)
23. Popova S. A. *Markery obryadov perekhoda "kolybel'nogo" perioda rebyonka (na primere severnoj gruppy mansi)* [Markers of the rites of transition of a child's "cradle" period (on the example of the Northern Mansi group)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2024, no. 14 (2/57), pp. 348–359. (In Russian)
24. Rogachev V. I., Vaganova E. N., Mingazova L. I. *Funkcionirovanie rastitel'nogo koda v tradicionnoj kul'ture narodov Povolzh'ya (na primere fol'klora mordvy-erzi i mokshi)* [Functioning of the plant code in the traditional culture of the peoples of the Volga region (on the example of the folklore of the Mordovian Erzya and Moksha peoples)]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2019, no. 13 (3), pp. 439–445. (In Russian)
25. *Saratovskij etnograficheskij sbornik* [Saratov ethnographic collection]. Ed. B. M. Sokolov. Saratov: [w/p], 1922. Vol. 1. 276 p. (In Russian)
26. Solovar V. N. *Lingvosemioticheskie osobennosti znakov smerti v khantyyskikh narodnykh skazkakh i predaniyakh* [Linguosemiotic features of death signs in the Khanty folk tales and legends]. *Yazyki i fol'klор korennykh narodov Sibiri* [Languages and folklore of indigenous peoples of Siberia], 2023, no. 45 (1), pp. 39–48. (In Russian)
27. Stepanov A. F. *Sotvorenie mira (O marijskom yazychestve v kontekste vozniknoveniya i evolyucii chelo-vecheskogo obshchestva)* [Creation of the world (About Mari paganism in the context of the emergence and evolution of human society)]. Yoshkar-Ola: String Publ., 2003. 110 p. (In Russian)
28. Taylor E. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive culture]. Translation from the English language. Moscow: Politizdat Publ., 1989. 573 p. (In Russian)
29. *Ustnoe poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda: v 12 t.* [Oral poetic creativity of the Mordovian people: in 12 volumes]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. 400 p. (In Russian)
30. Fedyanovich T. P. *Pohoronnye i pominal'nye obryady mordvy* [Funeral and memorial rites of the Mordovian peoples]. *Bytovaya kul'tura mordvy* [Everyday culture of the Mordovian peoples]. Saransk: Trudy NIIYALIE Publ., 1989. Vol. 100. Pp. 96–126. (In Russian)
31. Frazer D. D. *Zolotaya vetv': issledovaniya po magii i religii* [The golden branch: studies of magic and religion]. Translation from the English language. Moscow: Politizdat Publ., 1986. 703 p. (In Russian)

32. Sternberg L. Ya. *Pervobytnaya religiya v svete etnografii* [Primitive religion in the light of ethnography]. Leningrad: izdatel'stvo Instituta narodov Severa CIK SSSR im. P. G. Smidovicha Publ., 1936. 571 p. (In Russian)
33. Harva U. *Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1952. 456 p. (In German)
34. Heikel A. O. *Mordvalaisten Pukuja ja kuo seja: Trachten und Muster der Mordvinen*. Helsingissa: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö, 1899. 43 p. (In Finnish, German)
35. Körner T. *Totenkult und Lebensglaube bei den Völkern Ost-Indonesiens*. Leipzig: Jordan & Gramberg, 1936. 207 p. (In German)
36. Schmidt M. *Völkerkunde*. Berlin: Ullstein, 1924. 445 p. (In German)
37. Zintl S. Irreguläre Bestattungen in der Urgeschichte: Norm, Ritual, Strafe ...? Akten der internationalen Tagung in Frankfurt a. M. vom 3. bis 5. Februar 2012. *Evropean Journal of Archaeology*, 2015, no. 18 (4), pp. 712–716. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рогачев Владимир Ильич, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе, Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева (430007, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Евсевьева, д. 11а), доктор филологических наук.

rogachev-v@bk.ru

ORCID ID: 0000-0003-2830-8667

Ваганова Елена Николаевна, доцент кафедры немецкой филологии, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат филологических наук.

waganowa@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8941-846X

ABOUT THE AUTHORS

Rogachev Vladimir Ilyich, Professor, Department of Literature and Methods of Literature Teaching, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev (430007, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Evsevyev Str., 11A), Doctor of Philological Sciences.

rogachev-v@bk.ru

ORCID ID: 0000-0003-2830-8667

Vaganova Elena Nikolaevna, Associate Professor, Department of German Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevikskaya Str., 68), Candidate of Philological Sciences.

waganowa@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8941-846X